

КНИГА 1

Время — это всего лишь память в процессе формирования.

*Владимир Набоков*¹

¹ Из интервью Джеймсу Моссмену, сентябрь 1969 г. Пер. А. Г. Николаевской.

Барри

2 ноября 2018 г.

«Форд Краун-Виктория» Барри Саттона останавливается в пожарном проезде у главного входа в Пубблидинг. Небоскреб в стиле ар-деко¹ с подсветкой на стенах ослепительно белеет в темноте. Барри выскакивает из автомобиля, мчится по дорожке и через вращающиеся двери врывается в холл. Стук ботинок по мраморному полу разносится громким эхом. Ночной зритель уже ждет у лифтов, держа один открытым.

— Какой этаж? — спрашивает Барри, вбегая в кабину.

— Сорок первый. Там направо и по коридору до конца.

— Сейчас прибудет подкрепление. Скажите, пусть держатся сзади и ждут сигнала.

Лифт резво, совсем не по возрасту здания, устремляется вверх. У Барри тут же закладывает уши. Когда двери наконец раскрываются, он бросается бегом мимо вывески юридической фирмы по ковровой дорожке. Кое-где горит свет, но большей частью этаж погружен во тьму. За спиной остаются безмолвные кабинеты, конференц-зал, столовая, библиотека... Наконец коридор приводит к приемной, соединенной с самым большим офисом.

В тусклом свете все кажется серым. Необъятный стол красного дерева завален папками и бумагами. На другом, круглом, блокноты и кружки с остывшим, горь-

¹ Ар-деко — стиль на стыке модерна, авангарда и неоклассики, популярный в 1920—1940-е гг.

ко пахнувшим кофе. На барной стойке исключительно выдержанный виски «Макаллан». В дальнем углу тихонько гудит аэратором аквариум, в переливающейся воде плавают маленькая акула и несколько тропических рыбок.

Приближаясь к застекленным дверям, Барри переводит телефон в беззвучный режим и снимает обувь. Затем осторожно берется за ручку, открывает створку и выскальзывает на террасу.

Небоскребы Верхнего Вест-Сайда таинственно светятся за пеленой тумана. Громкий голос города, не смолкающий и ночью, звучит совсем рядом — автомобильные гудки эхом отражаются от стен, вдалеке пронзительные сирены «Скорой» несутся к месту какой-то другой трагедии. До шпиля здания футов пятьдесят, не больше — он вздымается в вышине короной из стекла и металла, венчающей готическое завершение башни.

Женщина сидит возле выдавший виды горгульи¹, спиной к Барри, буквально в пяти шагах, свесив ноги вниз. Он начинает продвигаться к ней по сырой плитке. Носки тут же становятся мокрыми. Еще немного — и он сможет оттащить самоубийцу от края. Она даже не успеет...

— Ваш одеколон, — произносит женщина, не оглядываясь. — Я чувствую запах.

Барри замирает. Она поворачивается:

— Еще шаг, и я прыгну.

При таком освещении сложно сказать наверняка, но на вид ей около сорока. Темный блейзер, юбка в тон. Сидит здесь, похоже, долго — прическа во влажном воздухе потеряла форму.

— Кто вы? — спрашивает женщина.

¹ Горгулья — здесь: декоративная гротескная скульптура.

— Барри Саттон, детектив центрального отдела ограблений, полиция Нью-Йорка.

— Ограблений?..

— Я оказался ближе всего. Как вас зовут?

— Энн Восс Питерс.

— Можно называть вас Энн?

— Конечно.

— Есть кто-нибудь, кого я могу вызвать сюда для вас? Она качает головой.

— Я перейду вон туда, чтобы вам не нужно было выворачивать шею.

Барри обходит женщину по дуге и тоже приближается к парапету, оказываясь буквально в паре шагов от нее.

— Ну, я вас слушаю, — говорит женщина.

— Простите?

— Разве вы не должны меня отговаривать? Давайте сразу с козырей.

Барри еще в лифте решил, что скажет, припомнив подготовку по работе с самоубийцами. Однако прямо сейчас заранее отрепетированная речь начинает казаться сомнительной. Единственное, в чем Барри уверен, — что ноги у него застыли, как ледышки.

— Я понимаю, сейчас вам кажется, что никакой надежды нет, но это временное отчаяние, оно пройдет.

Энн смотрит вниз вдоль стены здания. До земли четырьеста футов. Ладони женщины уперты в камень, изъеденный десятилетиями кислотных дождей. Все, что ей нужно сделать, — оттолкнуться. Похоже, она мысленно снова и снова повторяет это движение, постепенно подводя себя к нему, накапливая решимость.

Барри замечает, что она дрожит.

— Позвольте я дам вам куртку, — предлагает он.

— Уверена, вы не захотите приближаться ко мне, детектив.

— Почему?

— У меня СЛП.

Барри с трудом подавляет желание немедленно бежать. Он слышал, конечно, о синдроме ложной памяти, но никогда прежде не сталкивался ни с кем из больных, не дышал с ними одним воздухом. Не уверен теперь даже, что попытается в последний момент схватить женщину. Нет, к черту! Если она решит прыгнуть, надо сделать все, что нужно. Подхватит СЛП — ну и пусть. Полицейский — работа рискованная.

— Как давно вы больны?

— Однажды утром, около месяца назад, я вдруг очнулась не у себя дома в Миддлбери, штат Вермонт, а здесь, в Нью-Йорке, в квартире. У меня раскалывалась голова и текла кровь из носа. Сперва я даже не поняла, где нахожусь. Потом вспомнила и эту свою жизнь... тоже. В ней я так и не вышла замуж, занимаюсь инвестициями... Но я знаю... — Она едва сдерживает эмоции. — ...знаю и другое. У меня есть сын — там, в Вермонте. Сэм. Ему девять. У нас с мужем, Джо Берманом, свой бизнес — ландшафтный дизайн. В той жизни меня звали Энн Берман, и мы втроем были счастливы.

— На что это похоже? — спрашивает Барри, в то же время незаметно подвигаясь ближе.

— Что именно?

— Ваши ложные воспоминания о жизни в Вермонте.

— Я помню не только нашу свадьбу, но даже спор, каким должен быть торт. Наш дом, до мельчайших деталей. Нашего сына. Как я рожала его, до секунды. Его смех. Родимое пятно на левой щеке. Его первый день в школе и как он не хотел, чтобы я уходила. Вот только когда я пытаюсь представить Сэма, он выходит словно на черно-белой фотографии. Я не вижу цвета глаз. Говорю себе: «Голубые», но они остаются черными. И все воспоминания так — будто кадры из старых фильмов. Они кажутся реальными, но на деле призрачные,

фантомные. — Ее голос срывается. — Все знают, что СЛП создает ложные воспоминания о главном в жизни, но мелочи куда мучительнее. Я не просто помню своего мужа — я помню запах его дыхания по утрам, когда он поворачивается ко мне в кровати. И если он встал пораньше и уже почистил зубы — значит, хочет секса. Вот эти детали убивают меня больше всего. Из-за них я чувствую, что все было на самом деле.

— А как же эта жизнь? — спрашивает Барри. — Неужели она ничего для вас не значит?

— Может быть, некоторые люди с СЛП и предпочитают настоящие воспоминания ложным, только это не мой случай. Я пыталась, четыре долгие недели, но больше не в силах притворяться. — Слезы текут у нее из глаз, размывая тушь. — Моего ребенка, моего чудесного сына, никогда не существовало, понимаете вы? Он — просто короткое замыкание у меня в мозгу.

Барри осторожно делает еще шаг к женщине, но на сей раз она замечает.

— Не приближайтесь.

— Вы не одиноки.

— Чушь собачья.

— Я знаю вас всего несколько минут, но мне будет очень больно, если вы сделаете это. Подумайте о тех, кто любит вас — в этой жизни. Подумайте, каково придется им.

— Я выследила его — Джо... — роняет Энн.

— Кого?

— Моего мужа. Он вел себя так, будто не узнает меня, но я почувствовала, что это притворство. У него другая жизнь. Дом на Лонг-Айленде. Женат — не знаю на ком. Не знаю, есть ли у них дети. Смотрел на меня как на сумасшедшую...

— Мне очень жаль, Энн.

— Это слишком больно.

— Послушайте, я тоже был в подобном состоянии. Тоже хотел оборвать все. Однако вот — стою перед вами. И я рад, что не сделал этого. Рад, что мне хватило сил справиться. Жизнь еще не кончена. Надо просто перелистнуть черную страницу.

— Что у вас случилось?

— Я потерял дочь. Мое сердце тоже было разбито.

Энн смотрит куда-то вдаль, на залитый светом горизонт.

— У вас есть ее фотографии? Вы говорите о ней с другими?

— Да.

— По крайней мере, она действительно существовала. На это ему нечего ответить.

Женщина вновь смотрит себе под ноги. Сбрасывает со ступни одну из туфель и наблюдает за тем, как та падает. Затем отправляет следом и вторую.

— Энн, пожалуйста...

— В моей прошлой — ненастоящей — жизни с этого здания спрыгнула первая жена Джо, Фрэнни. Вот прямо отсюда. Пятнадцать лет назад. У нее была клиническая депрессия. Я знаю, что он винил себя. Когда я уходила из его дома на Лонг-Айленде, то сказала, что тоже брошусь с По-билдинг сегодня, как она. Понимаю, это глупо и прочее, но я надеялась, что он придет и спасет меня. Совершит то, чего не смог сделать для нее. Я даже сперва приняла вас за него, только он никогда не пользовался одеколоном. — Она горько улыбается, потом добавляет: — Пить хочется.

Барри оглядывается сквозь застекленные двери на темный офис. Двое патрульных замерли наготове у стойки администратора.

— Может быть, тогда войдем внутрь и поищем для вас стакан воды? — предлагает Барри, вновь поворачиваясь к женщине.

— А вы мне не принесете?

— Я не могу оставить вас одну.

У нее дрожат руки, но в глазах вдруг мелькает решимость.

— Это не ваша вина, — говорит она, оглядываясь на Барри. — Все закончилось бы так в любом случае.

— Энн, не надо!..

— Моего сына больше нет.

Одним простым и естественным движением она соскальзывает с края.

Хелена

22 октября 2007 г.

Стоя в шесть утра под душем и пытаюсь проснуться, Хелена вдруг остро ощущает, что проживала этот самый миг, горячие струи уже стекали точно так же по ее телу. Ничего необычного — приступы дежавю преследуют ее с двадцати с чем-то лет. Да и момент совершенно рутинный — что необычного может быть в принятии душа? Интересно, в «Маунтинсайд-Кэпитал» уже рассмотрели ее заявку? Прошла неделя... Пора бы получить какой-нибудь отклик. Если бы они были заинтересованы, наверное, хотя бы пригласили встретиться.

Сварив кофе, Хелена делает завтрак на скорую руку — бобы и яичницу из трех яиц, щедро сдобренную кетчупом. Сидя за столом, смотрит в окно на безоблачное небо и залитую солнцем окраину Сан-Хосе.

Месяц с лишним не удавалось выкроить время даже для стирки, и пол в спальне почти весь завален грязной одеждой. С трудом все-таки удается отыскать футболку и джинсы, в которых еще не совсем стыдно показаться на людях.